

Н. И. Богданов

ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ НАРОДА¹

И. В. Сталин учит: „Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка.

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания...

Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, — стало быть, невозможно само существование общественного производства. Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестает существовать, как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества“.²

Таким образом, из учения И. В. Сталина вытекает, во-первых, что язык — продукт общества, только в человеческом обществе он зародился и стал служить средством общения членов общества, средством обмена мыслями. С другой стороны, и общество невозможно без языка. Если у людей не будет средства общения, то общество не сможет наладить общественное производство и потому распадется. Отсюда, язык — необходимое условие существования общества, орудие борьбы и развития общества. Значит, все явления языка в целом обусловлены историей развития общества, так же как история развития общества отражается в языке.

В каждом конкретном языке имеется три четко разграниченные, хотя и тесно связанные между собой, области: фонетический строй,

¹ Доклад прочитан на научной сессии Карело-Финского филиала АН СССР, посвященной трудам И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ и „Марксизм и вопросы языкознания“, 12 июня 1953 года.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 22—23.

словарный состав и грамматический строй. При этом темпы развития каждой из этих областей неравномерны, вследствие чего и связь явлений языка каждой из этих областей с историей общества прослеживается с различными трудностями. Б. А. Серебренников¹ выделяет два типа связей: 1) связь явлений языка с конкретным периодом истории народа и 2) связь явлений языка со всем историческим опытом человечества в целом. В связи с этим возникает проблема внешних и внутренних факторов развития и изменения языка. Внешние факторы лучше отражают связь явлений языка с конкретным периодом истории народа, в то время как внутренние факторы отражают связь явлений языка со всем ходом истории развития общества в целом. Развитие и изменение фонетического строя и грамматического строя в большей степени являются результатом действия внутренних факторов (хотя каждый язык и испытывает влияние внешних факторов), развитие и изменение словарного состава, как наиболее проницаемой области языка, зависят и от внутренних, и от внешних факторов.

И. В. Сталин указывает: "...язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй".² Б. А. Серебренников в своей статье пишет: "В области лексики установление связей явлений языка с историей народа представляет уже значительно меньше трудностей, поскольку здесь можно найти очень много возможностей прямых и реальных соотношений явлений языка с различными элементами истории общества: в словарном составе языка сохраняются, в большей или меньшей степени, следы всей исторической жизни народа, начиная с древнейших времен до его современного состояния".³

Оставляя в стороне фонетический и грамматический строй, обратимся к лексике прибалтийско-финских языков. Привлекая к исследованию материалы из лексики прибалтийско-финских языков, мы делаем попытку вскрыть некоторые отдельные моменты связи явлений языка с историей того или иного из прибалтийско-финских народов.

1. Основной словарный фонд является устойчивой частью в языке, прослеживаемый древний пласт основного словарного фонда — общий для ряда родственных языков. Древний пласт основного словарного фонда отражает историю народа до распада родственного человеческого коллектива и историю происхождения того или иного народа от определенного человеческого коллектива.

Слова древнего пласта⁴ основного словарного фонда более устойчивых групп слов до настоящего времени исключительно близки по своему звучанию и значению во всех прибалтийско-финских языках. Эти слова обозначают природу и природные явления, человека, названия домашних и диких животных, птиц, рыб, органы и части тела

¹ Б. А. Серебренников. К проблеме связи явлений языка с историей общества. Журнал "Вопросы языкознания" № 1, изд. АН СССР, 1953, стр. 38.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

³ Б. А. Серебренников. Названия. работа, стр. 45.

⁴ Имеется в виду древний пласт более позднего периода развития прибалтийско-финского языка-основы, до эпохи распада.

человека и животных, названия деревьев и других растений, орудия труда, орудия охоты и рыбной ловли, средства передвижения, названия пищи, одежды, обуви, жилища, домашней утвари, посуды, названия профессий и занятий, названия металлов, качеств, действий и т.д. Приведем ряд примеров:

	финск.	эст.	кар.	вепсск.
земля	maa	maa	mua	ma
небо	taivas	taevas	taivas	taivaz
вода	vesi	vesi	vesi, vezi, veji	vezi
гора	mäki	mägi	mäki	mägi
голова	pää	pea	piä	pä
корова	lehmä	lehm	lehmä, lehmy	lehm
птица	lintu	lind	lintu, lindu	lind
рыба	kala	kala	kala	kala
дерево	puu	puu	puu	pu, puu
топор	kirves	kirves	kirves	kirvez
лыжи	suksi	suusk	suksi	suks'
хлеб	leipä	leib	leipä, leibä	liib
изба	pirtti	—	pertti	perť
железо	rauta	raud	rauda	roud
ловушка	pyydus	püünis	pyydus	pyduz
белый	valkea	valge	valgea	vouged
черный	musta	must	musta	must
есть	syödä	sööda	syödä, syyvä	södä
пить	juoda	joda	juoda, juvva	joda
идти	mennä	mienema	mändä, männa	mända

Эта общность лексики указывает на былую общность народов и народностей, говорящих в настоящее время по-фински, по-эстонски, по-карельски, по-вепсски.

Таким образом, сопоставляя лексику древнего пласта основного словарного фонда, с одной стороны, и пользуясь историческими данными, с другой, мы с уверенностью можем сделать вывод о том, что в определенную историческую эпоху существовало так называемое прибалтийско-финское племя, которое в I тысячелетии до н. э. жило в области Прибалтики (между Финским и Рижским заливами). Затем, в I тысячелетии н. э., в связи с более широким расселением на север и северо-восток, из так называемого прибалтийско-финского племени сложился ряд племен,¹ которые впоследствии, как показывают исторические и лингвистические данные, в конце I и начале II тысячелетия оказались в другой, иноязычной среде, в другой исторической обстановке, которая не содействовала сплочению этих племен. После распада эти племена развивались самостоятельно, а их языки развивались по своим внутренним законам развития. Отсюда произошли фонетические, грамматические и лексические различия, которые в какой-то мере указывают на дальнейшую историю самостоятельного развития упомянутых народов и народностей.

2. Есть слова, в которых корни основного словарного фонда в различных современных прибалтийско-финских языках могут совпадать

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Госиздат КФССР, Петрозаводск, 1948, стр. 11.

или быть близкими по звучанию, но различными в данное время по значению, например, то, что говорится и понимается финнами, вепсы могут воспринимать в ином значении, и наоборот. Исторически эти корни имели во всех прибалтийско-финских языках одно значение, хотя это первоначальное значение часто трудно восстанавливается. Такое явление, с одной стороны, свидетельствует о былой общности языка, т. е. эти слова восходят к языку-основе и тем самым указывают на былую общность носителей этих слов. С другой стороны, это же явление показывает, что в дальнейшем происходил распад родственного человеческого коллектива. Оно отражает этот распад и служит показателем исторического развития того или иного народа, так как изменение значений слов находится в зависимости от исторического развития общественной и культурной жизни носителя языка.

Приведем примеры. Слово *kansa* в современном финском языке означает „народ“, *kansakunta* „нация“. Понятие „нация“ — продукт капиталистического общества. Если мы обратимся к вепсскому языку, то там слово *канз* в настоящее время имеет значение „семья“, у карел-людигов Михайловского сельсовета Олонецкого района это же слово *канз* означает „стадо животных“. У собственно-карел (калининское наречие) *капжа* „свадебный поезд“; у карел-ливвиков в районе дер. Котчура Пряжинского района КФССР имеются поля, которые называются *канзанпрайкку*, что указывает на собирательное значение этого слова; у эстонцев *kaas, kaasa* (из *kaansa*) в сочетании с другими словами дает понятие совместности, например: *adikaasa* „супруг“, *kaaskodanik* „согражданин“, *kaaskond* „свита“ и т. п. Примеры показывают, что в настоящее время древнее *kansa* у прибалтийско-финских народностей приобрело разное значение.

Финляндские ученые, в частности Л. Хакулинен, утверждают, что первоначальным значением слова *kansa* было „товарищ“.¹ Автор предлагаемой статьи, опираясь на большой материал и используя его в сравнительном плане, считает, что первоначальное основное значение слова *kansa* передавало собирательное понятие „коллектива людей, семьи в широком смысле слова“. Тем не менее, поскольку у нас нет расхождения в том, что *kansa* исторически у всех прибалтийско-финских племен имело одно общее значение, постольку мы приходим к выводу, что оно указывает на бывшее родство этих племен. С другой стороны, различное развитие значения слова *kansa* указывает, что эта бывшая общность родственного человеческого коллектива распалась, причем в некоторых языках развитие слова *kansa* ясно отражает новые страницы истории народа; так, например, *kansa* в финском языке передает понятие „народ“, *kansakunta* „народ, нация“, в вепсском языке *канз* выражает понятие „семья“ в современном значении моногамной семьи, развившемся из понятия семьи, возникшей из недр родо-племенного строя.

Слово *sebr* бытовало в обращении у вепсов до коллективизации сельского хозяйства со значением „общественная косьба“. Если выйдем за пределы вепсского языка и обратимся к финскому, то обнаружим, что это же слово, с присущей финскому языку огласовкой, т. е. *seura*, означает здесь „общество, кружок, компания“. В эстонском языке *sõber* „товарищ, друг“. Эти данные проливают свет на вепсское *sebr*, с более ранним значением общинного пользования земельными

¹ Lauri Hakulinen. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1946, s. 50.

угодьями и общественным способом обработки земли; сравните, например, *mõ tänapäevi päikemei sebras* — „мы сегодня косим сообща“, т. е. „в коллективе“. У вепсов до Великой Октябрьской социалистической революции пахотная земля была поделена (отсюда в вепсском языке слово *межа*, заимствованное из русского), сенокосные же угодья частично оставались в общинном пользовании. В связи с этим сохранилось и слово *sebr* с пережиточным значением „община“, восходящим к древнему периоду истории вепсов, вероятно, к периоду первобытно-общинного строя. Естественно, что это слово входило в основной словарный фонд вепсского языка и отражало социальное явление из области древних общественных и хозяйственных отношений вепсов. Однако в настоящее время это слово вышло из употребления, стало архаичным, так как в условиях социалистического хозяйства в вепсский язык вошли новые социальные слова и термины: *kõlhoz* — „колхоз“, *brigad* — „бригада“ и т. д. Например, *kolhoznikad ratas kolhozas* — „колхозники работают в колхозе“, *pese ma om kolhozan* „эта земля колхозная“. Это вполне естественно, потому что слово *sebr* с его старым значением „община“ уже не может отражать нового значения коллективного, общественного землепользования, коллективного труда и новых форм распределения продуктов труда.

Таким образом, если в определенных исторических условиях слово *sebr*, *seura*, входившее, очевидно, в основной словарный фонд ряда прибалтийско-финских языков, могло развиваться и получить в финском языке новое качественное значение — „общество“ в смысле какого-то объединения, например, *Suomalais-Ugrilainen Seura* „Финно-угорское общество“ и т. д., то при иных исторических условиях это слово не развилось и стало архаичным, а взамен его в вепсский язык вошли из русского языка другие слова, подлинно отражающие историческую сущность новой действительности.

3. В какой-то мере связь явлений языка с историей народа наблюдается в замене тех или иных слов словами иноязычного происхождения. Замена эта обусловлена влиянием языков соседних народов, но происходит она лишь тогда, когда собственное слово теряет свое качество, перестает отражать в полной мере представление о предмете, действительности. Интересным фактом в прибалтийско-финских языках является замена родственных названий словами иноязычного происхождения. Слова, обозначающие близкое родство, как правило, в большинстве языков являются очень устойчивыми. Но в прибалтийско-финских языках термины родства претерпели значительные изменения. Рассмотрим слова со значением „отец“ и „мать“. В финском *isä* „отец“, *äiti* „мать“, в эстонском *isa* и *ema*, в карельском *tuatto* и *tuato*, в вепсском *tat* и *mat*. Как видно, во всех прибалтийско-финских языках слова со значением „отец“ и „мать“ в настоящее время различны. Но если мы привлечем к исследованию словарный состав этих языков, то найдем, что до появления заимствованных слов в прибалтийско-финских языках у всех племен для понятий „отец“ и „мать“ были свои общие слова. Сравним эстонское *isa* „отец“, *ema* „мать“ с вепсским *iža* и *ema*. В данное время в вепсском и карельском языках *iža* означает „самец“, *ema* — „самка“. Очевидно, вепсское и карельское *iža* и *ema* до заимствования из русского языка слов со значением „отец“ — *tat*, *tuatto* и „мать“ — *mat*, *tuato*, с одной стороны, обозначали мужскую и женскую особи, с другой стороны — имели значение „отец“ и „мать“, как это до сих пор сохранилось в эстонском языке (ср. эстонское *isa* „отец“, *isane* „самец“,

ета „мать“, етапе „самка“). Финское *äiti*, по Л. Хакулинену, заимствовано из германских языков. Такое положение вещей свидетельствует о существовании в истории финно-угорских народов эпохи, когда понятие родственных связей было, очевидно, иным, была система родства, которая впоследствии заменилась другой системой, а вместе с тем и родственные связи стали обозначаться другими словами. Когда же у карел и вепсов могла произойти эта замена? Эта замена слов близкого родства у данных народностей произошла, очевидно, после распада древнего прибалтийско-финского племени, когда в конце I и начале II тысячелетия н. э. вепсы и карелы оказались в иноязычной среде и вошли в состав образовавшегося русского государства, в период разложения родо-племенного строя. На это указывает то, что эстонский язык не заимствовал слов близкого родства от русских, а также то, что финны слово *äiti* „мать“ заимствовали от германских народов, вероятно, от шведов.

4. Лексика является хорошим свидетельством развития производства, последовательности форм развития различных видов деятельности человека. Приведем в качестве примеров финские, карельские и вепские слова со значением „соха“, „косуля“ и „плуг“. По-фински „соха“ — *saha*, *ruusa*, „косуля“ — *kosseli*, „плуг“ — *aura*, *gauta-aura*. По-карельски „соха“ — *adra*, „косуля“ — *kosuli*, „плуг“ — *piuga*; по-вепски „соха“ — *adr*, „косуля“ — *kosul*, „плуг“ — *plug*. В финском языке имеет место использование слова „соха“ в новом значении „плуг“ (*aura* — исторически *atga* во всех прибалтийско-финских языках), причем финское *aura* (без определяющего слова *gauta*) затемняет историю появления нового земледельческого орудия — плуга. Но у карел и вепсов слово „плуг“ было заимствовано от русских вместе с самим предметом. Известно, что плуг как новый тип орудия в России появился во второй половине XIX века. У вепсов и карел плуг появился несколько позже. У южных вепсов плуг появился только в начале XX века, перед революцией. Тем не менее, у вепсов в данное время от слова *plug* имеются производные слова: наряду с *kyndai* „пашущий сохой“ имеется *plujii* „пашущий плугом“, наряду с *kynttä* „пахать сохой“ имеется *plujda* „пахать плугом“.

Вместе с тем слова, обозначающие земледельческие орудия, как-то: финск. *aura*, кар. *adra*, вепск. *adr* (из **atra*); финск. *äes*, вепск. *ägez* (из **ages*); финск. *viikate*, кар. *viikateh*, вепск. *vikateh* „коса-горбуша“; финск. *harava*, кар. *harava*, вепск. *harou* (из **haravo*) „грабли“ и проч., указывают также, что земледелие и животноводство так называемые прибалтийские финны знали давно, еще до их распада на отдельные племена.

Приведем еще один пример из вепсского языка. С развитием лесных промыслов во второй половине XIX века вепсский язык заимствует целый ряд русских слов. Еще в середине XIX столетия, по рассказам стариков, вепсы не пользовались пилой. Избы и другие постройки они рубили топором, так же заготавливали и дрова. Пила у средних и южных вепсов, которые живут южнее реки Свири, появилась во второй половине XIX века и сохранила свое русское название *пила* (ср. финск. *saha*). От слова *pila* образовались другие вепские производные слова: *pildä* „пилить“, *pilind* „пилка“, *pildyd* „спиленный“, *pilajouh* „опилка“, *pilitez* „надрез пилой“ и проч. Это обстоятельство, кроме прямого указания на историю появления в вепсском языке таких слов, как *plug*, *pila* и проч., указывает, что заимствования, как

внешний фактор, обусловлены внутренней необходимостью заимствующего языка; в условиях советского многонационального государства заимствования являются средством обогащения словарного состава национальных младописьменных языков.

5. Лексика в известной степени может отражать характер базисов и надстроек. Обратимся к словам, обозначающим административные деления, названия административных лиц, служителей культа, работников медицины и просвещения и проч. Так, в вепсском языке слова с упомянутыми значениями заимствованы из русского языка. Исключение представляют слова *kuļä* и *lidn*. Слово *kuļä* в современном значении у вепсов „село“, в финском, карельском, эстонском и других языках *kuļä* — „деревня“. Слово это древнее, оно указывало на территориальное расселение коллектива говорящих на одном языке людей. Слово *lidn* (*linna*) общеприбалтийско-финского происхождения. В эстонском, карельском, вепсском языках в настоящее время оно имеет значение „город“. В финском языке *linna* выступает в значении „замок, дворец, крепость, тюрьма“. Город по-фински — *kaupunki*. Однако и в финском языке в диалектах *linna* встречается в значении „город“. Это обстоятельство дает право сделать ряд выводов. Во-первых, что у всех прибалтийско-финских народностей в прошлом, в дофеодалное время *linna* имело значение „город“ в смысле укрытого (огороженного) от нападения врагов поселения. В эстонском, карельском и вепсском языках слово *linna* в данное время приобрело значение „города“ в современном смысле слова, в финском языке дофеодалное *linna* в эпоху феодализма приобрело значение „замок, крепость“, а затем и значение „тюрьма“. Что касается финского слова *kaupunki*, то это слово довольно позднего происхождения, оно связано с словом *kauppa* „торговля“ и появилось на финской почве, вероятно, в период, когда города стали служить местом торговли, торговых сделок, коммерции и т. п., а не местом обороны, защиты от неприятеля.

Если мы обратимся к дореволюционной терминологии, обозначающей административные деления, названия административных лиц и проч., то найдем, что в вепсском языке широко представлены заимствования из русского языка, значения которых являлись и являются вполне понятными вепсскому населению. Таковы, например, дореволюционные термины: *gosudarstv* (*miiden gosudarstv* „наше государство“), *gubernii*, *ujezd*, *volost'*, *pagast* „порогост, церковь“; *õbšhestv* „общество“ и т. п.; *car'* „царь“, *kn'az'*, *gubernator*, *zemskii* „земский начальник“, *stanovii* „становой, исправник“, *ur'adnik*, *strazhnik*, *staršin* „старшина“, *pisar'* „волостной писарь“, *lesničii*, *objezčik* „лесной объездчик“, *lésnik* „лесник“, *par'* „поп“, *dijakon*, *djak* „псаломщик“, *učitel'* „учитель“, *nastounic* „наставница“, т. е. „учительница“, *dohtur'* „врач, доктор“, *feršal* „фельдшер“, *bájar'* „боярин“, а затем „барин“ и т. п.; *t'ug'm* „тюрьма“, *sud*, *sudji*, — „судья“ и т. п., *romeshšik* „помещик“, *krest'janin*, *torguuc'* „торговец“, *kurc'* „купец“ и т. п.

Вполне естественно, что приведенные слова и термины в вепсском языке русского происхождения. До вхождения в состав русского государства вепсы, очевидно, жили родо-племенной организацией. Поэтому, вероятно, мы и не находим в вепсском языке древних слов — названий административных делений, а если и были какие-либо названия старейшин рода или племени, то следов от них не осталось, они исчезли. Сохранился единственный старый культовый термин — слово *poïd* — „колдун“ (ср. финск. *poita*, эст. *põid*).

Нужно сказать, что рассмотренные выше слова вошли в вепсский язык в разное время и отражают историю в зависимости от появления того или иного факта исторической действительности. Проф. Д. В. Бубрих пишет: „Характерно, что первые христианские термины (имеются в виду *rista*, *rappi*, *pagasta* и др. — Н. Б.) во всех прибалтийско-финских языках восточно-славянского происхождения“.¹ Это обстоятельство указывает на то, что христианские термины проникли в прибалтийско-финскую среду в период, когда прибалтийско-финские племена не потеряли еще между собой связи, не были еще отделены друг от друга границами, т. е. эти термины проникли в конце I и начале II тысячелетия н. э., так как христианские термины у восточных славян появились несколько раньше.

Что касается таких терминов, как *kn'áz*, *car'*, *bajar'* и т. п., то в вепсскую среду они проникли в эпоху феодализма, а термины *učitel'*, *nastounic*, *dohtur'*, *feršal* и т. п. появились в вепсском языке в конце XIX и начале XX века, незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции.

В настоящее время многие слова из этого перечня стали архаичными: *gubernii*, *ujezd*, *volost'*, *car'*, *kn'áz*, *gubernator*, *zeinskii*, *stanovii*, *urádnik*, *stražnik*, *staršin*, *pisar'*, *bajar'*, *помещик*, *torguuc'*, *kupc'* и т. п.

Эти слова сохранились в памяти старого поколения, в литературных произведениях и исторических памятниках. Архаизмами становятся также слова *par'*, *djak*. В настоящее время, вместе с социалистическим советским строем, социалистической культурой, в вепсском языке появились новые слова, без изменения в своем лексическом значении, как-то: *sovet*, *ispolkom*, *sel'sovet*, *izba-čital'n'*, *klub*, *sovhoz*, *kolhos*, *predsedatel'*, *sekreťar'*, *deputat*, *delegat*, *инженер*, *milicioner*, *izbac* и проч.

Итак, лексика находится в состоянии непрерывного развития и изменения, поэтому она непосредственно отражает историю народа.

Правда, не все слова в одинаковой мере позволяют датировать факты истории. Лексика как источник истории народа особенно ценна для выявления фактов политической, хозяйственной и культурной жизни народов того периода, который не освещается в письменных памятниках.

Но чтобы использовать лексику для освещения истории того или другого народа, нужно в различных случаях подходить дифференцированно. В некоторых случаях помогает сравнительно-исторический метод, указывающий на былое родство отдельных языков. В других случаях необходимо обратить внимание на заимствования, которые иногда точно указывают, в какой период они вошли в язык.

Труды И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и „Экономические проблемы социализма в СССР“ открыли для науки широкие просторы творческой работы, явились дальнейшим развитием творческого марксизма во всех областях науки, поэтому они должны стать для каждого научного сотрудника руководством в исследовательской работе. Благодаря этим трудам стало возможным правильно подходить к разрешению того или иного научного вопроса, освободиться от марровской шелухи в языковедческой науке.

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Госиздат КФССР, Петрозаводск, 1948.